

Марина Цветаева (1892 – 1941)

Марина Ивановна Цветаева – русская поэтесса, прозаик, переводчица, одна из крупнейших поэтов XX века. Цветаева – поэтесса трагического склада, трагической судьбы, она осталась в истории русской литературы «одиноким духом». Романтический максимализм, обреченность любви, неприятие повседневного бытия – основные темы ее поэзии. «Более страстного голоса в русской поэзии XX века не звучало», – сказал о Марине Цветаевой Иосиф Бродский. Ее произведения не ценились советским режимом. Литературная реабилитация Цветаевой началась лишь в 1960-х гг. Цветаева со всей своей непросто сложившейся судьбой, со всей яркостью самобытного дарования по праву вошла в русскую поэзию. «Моим стихам, как драгоценным винам, Настанет свой черед...», – писала Цветаева в одном из ранних стихотворений. И предсказание это сбылось. «Думается, – писал один из исследователей ее творчества, – Марина Цветаева нашла, наконец, свое время. Именно сегодняшние читатели – ее настоящие современники».

Марина Цветаева, отрывок из очерка “Мать и музыка”:

«Клавиши я – любила: за черноту и белизну (чуть желтизну!), за черноту, такую явно, – за белизну (чуть желтизну!), такую тайно-грустную, за то, что одни широкие, а другие узкие (обиженные!), за то, что по ним, не сдвигаясь с места, можно, как по лестнице, что эта лестница – из-под рук! – и что от этой лестницы сразу ледяные ручьи – ледяные лестницы ручьев вдоль спины – и жар в глазах...И за то, что белые, при нажиме, явно веселье, а черные – сразу грустные, верно – грустные, настолько верно, что, если нажму – точно на глаза себе нажму, сразу выжму из глаз – слезы.И за сам нажим: за возможность, только нажав, сразу начать тонуть, и, пока не отпустишь, тонуть без конца, без дна, – и даже когда отпустишь! За то, что с виду гладь, а под гладью – глубь, как в воде, как в Оке, но глаже и глубже Оки, за то, что под рукой – пропасть – из-под рук, за то, что, с места не сходя, – падаешь вечно. За вероломство этой клавишной глади, готовой раздаться при первом прикосновении – и поглотить. За страсть – нажать, за страх – нажать: нажав, разбудить – всё ... За “клавиатуру” – слово такое мощное, что ныне могу его сравнить только с вполне раскрытым крылом орла ... За “хроматическую гамму” – слово, звучащее водопадом горного хрусталя... За хроматическую, которую я сразу предпочла простой: тупой: сытой: какой-то нянькиной и ванькиной. За хроматическую, которая тут же, никуда не уходя, ни вправо, ни влево, а только вверх, настолько длиннее и волшебнее простой, насколько длиннее и волшебнее наша тарусская “большая дорога”, где можно пропасть за каждым деревом – Тверского бульвара от памятника Пушкина – до памятника Пушкина. За то, что – это я сейчас говорю – Хроматика есть целый душевный строй, и этот строй – мой. За то, что Хроматика – самое обратное, что есть грамматика, – Романтика. И Драматика. Эта Хроматика так и осталась у меня в спине. Больше скажу: хроматическая гамма есть мой спинной хребет, живая лестница, по которой все имеющее во мне разыграться – разыгрывается. И когда играю – по моим позвонкам играют ... За слово – клавиш. За тело – клавиш. За дело – клавиш. И слово любила “бемоль”, такое лиловое и прохладное и немножко граненое... И “диез”, такое прямое и резкое, как мой собственный нос в зеркале. La-bemol же было для меня пределом лиловизны: лиловее тарусских присов».

